ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
„ТРУДЪ И ЗНАНІЕ."

№ 2.

Роза Люксембургъ.

Карлъ Марксъ.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЕГО УЧЕНІЯ.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская, № 22.
1906 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12 Декабря 1905 г.

„Философы только различнымъ образомъ объясняли міровое устройство, но задача состоитъ въ томъ, чтобы измѣнить это устройство."

Марксъ *(о Фейербахѣ).*

Хотя со дня смерти Маркса прошло не болѣе 20-ти лѣтъ и всего лишь нѣсколько лѣтъ назадъ мы пережили то, что на языкѣ нѣмецкихъ профессоровъ называется «кризисомъ марксизма», однако, достаточно бросить взглядъ на массы, которыя въ настоящее время преклоняются предъ соціализмомъ въ одной только Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ на ту роль, которую играетъ его ученіе въ общественной жизни, такъ называемыхъ, культурныхъ государствъ,—чтобы получить ясное представленіе объ огромномъ значеніи его творческой дѣятельности.

Если бы нужно было въ нѣсколькихъ словахъ формулировать то, что Марксъ сдѣлалъ для современнаго рабочаго движенія, то мы могли бы сказать: Марксъ открылъ рабочій классъ, какъ историческую категорію, т. е., какъ классъ съ опредѣленными историческими условіями существованія и законами развитія. До Маркса также существовала въ капиталистическихъ странахъ масса наемныхъ рабочихъ, которые одинаковыми соціальными условіями жизни въ предѣлахъ буржуазнаго общества были приведены къ сознанію своей солидарности и которые слѣпо искали путей, ведущихъ въ счастливое царство соціализма. Только Марксъ поднялъ эту массу наемныхъ рабочихъ до значенія класса

уже тѣмъ, что связалъ ихъ опредѣленной исторической миссіей пріобрѣтенія политической власти, съ цѣлью совершенія соціальнаго переворота.

Борьба классовъ за пріобрѣтеніе политической власти была тѣмъ мостомъ, который Марксъ перебросилъ между движеніемъ пролетаріата, стихійно возрастающимъ въ нѣдрахъ современнаго общества, и соціализмомъ.

Инстинктъ буржуазіи заставлялъ ее еще съ давнихъ поръ съ особенной ненавистью и страхомъ преслѣдовать всякія политическія стремленія пролетаріата. Уже въ ноябрѣ 1831 года Казимиръ Перье, докладывая французской палатѣ депутатовъ о возстаніи ткачей шелковыхъ фабрикъ въ Ліонѣ, сказалъ объ этомъ первомъ движеніи среди рабочаго класса на континентѣ такъ: «Господа, мы можемъ быть спокойны! Въ рабочемъ движеніи въ Ліонѣ не было никакой сознательной политической цѣли». Ибо всякое политическое броженіе среди пролетаріата было для правящихъ классовъ симптомомъ, указывающимъ приближеніе момента освобожденія рабочаго класса отъ гнета политическаго рабства буржуазіи.

Только Марксу удалось построить политику рабочаго класса на твердомъ фундаментѣ сознательной борьбы классовъ и этимъ способомъ выковать смертоносное орудіе противъ существующаго общественнаго порядка. Основаніемъ политики современной рабочей соціалъ-демократіи служитъ именно матеріалистическое пониманіе исторіи, вообще, и Марксовская теорія развитія капитализма, въ частности. Внѣ теоріи Маркса только тотъ можетъ себѣ вообразить соціальную демократію или, вообще, особенную политику рабочаго класса, кому совершенно неизвѣстна сущность соціалъ-демократической политики, равно какъ и сущность марксизма.

Въ своемъ трудѣ о Фейербахѣ Фр. Энгельсъ опредѣлилъ понятіе философіи, какъ науки о взаимоотношеніи между мышленіемъ и бытіемъ, между человѣческимъ сознаніемъ и объективнымъ матеріальнымъ міромъ.

Если понятія бытія и мышленія перенести изъ области абстрактнаго и индивидуальной психики на почву современной дѣйствительности, то можно будетъ съ нѣкоторымъ правомъ сказать то же самое и о соціализмѣ. Соціализмъ былъ издавна искаліемъ ощупью средствъ и путей съ цѣлью установить гармонію между бытіемъ и мышленіемъ, т. е. съ цѣлью согласовать историческія формы быта съ общественнымъ сознаніемъ. Рѣшеніе этой важной задачи, надъ которой люди трудились въ теченіе столькихъ столѣтій, выпало на долю Маркса и его друга Энгельса. Открытіемъ своимъ, что исторія всѣхъ обществъ въ конечномъ выводѣ представляетъ собою исторію отношеній производства и обмѣна и что развитіе этихъ послѣднихъ при господствѣ частной собственности проявляется въ формѣ политической и соціальной борьбы классовъ,—этимъ своимъ открытіемъ Марксъ выдвинулъ на первый планъ самый могущественный двигатель исторіи. Этимъ было объяснено необходимое противорѣчіе между индивидуальной волей и общественной дѣятельностью, между стремленіями и результатами при формахъ соціальнаго строя, господствовавшихъ до нашего времени.

При помощи теоріи Маркса человѣчеству стала впервые доступна тайна его собственнаго развитія. Затѣмъ, открытіе законовъ капиталистическаго развитія указало также путь, по которому двигается впередъ человѣчество, начиная отъ стихійнаго безсознательнаго періода, когда общество создаетъ свою

исторію такъ, какъ пчелы строютъ свои соты,— и кончая эпохой сознательной, цѣлесообразной, истинно человѣческой исторіи, когда воля общества и его дѣйствія будутъ проведены въ полную гармонію, когда человѣкъ, какъ членъ общества, въ первый разъ за длинный рядъ тысячелѣтій станетъ дѣлать то, что ему будетъ желательно.

Говоря словами Энгельса, этотъ послѣдній переходъ «изъ царства животнаго въ царство человѣческой свободы», который будетъ осуществленъ для всего общества только соціальной революціей, совершается уже и въ данное время въ рамкахъ нынѣшняго строя—въ политикѣ соціалъ-демократіи. Руководимая теоріей Маркса, какъ клубкомъ Аріадны, рабочая партія составляетъ теперь единственную въ міровой исторіи партію, которая знаетъ, что дѣлать, и потому дѣлаетъ то, что ей желательно. Въ этомъ то заключается весь секретъ могущества соціалъ-демократіи.

Буржуазный міръ уже съ давнихъ поръ смотритъ съ ужасомъ на поразительную жизнеспособность и непрекращающійся прогрессъ соціалъ-демократіи. Отъ времени до времени появляются отдѣльныя лица, «взрослыя дѣти», которыя, будучи ослѣплены особенными моральными успѣхами нашей политики, совѣтуютъ буржуазіи взять съ насъ «примѣръ» и почерпнуть для себя образецъ изъ тайнаго источника мудрости и идеализма соціальной демократіи. Но они не понимаютъ, что то именно, что для политики рабочаго класса составляетъ источникъ жизни и силы, это-же самое для буржуазныхъ партій является смертельнымъ ядомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ намъ прежде всего эту внутреннюю нравственную силу, которая позво-

лѣтъ намъ съ такимъ радостнымъ мужествомъ переносить величайшія преслѣдованія, какъ, напр., 12 лѣтъ исключительнаго закона противъ соціалистовъ въ Германіи? Можетъ быть, выносливость пролетаріата въ стремленіи къ частичному матеріальному улучшенію своего быта? Но современный пролетарій не филистеръ, не буржуа, который только ради низменныхъ выгодъ повседневной жизни въ состояніи сдѣлаться героемъ. Какъ мало одна только надежда на мелочныя матеріальныя выгоды способна вызвать въ рабочемъ классѣ высокій духовный подъемъ,—лучше всего доказываетъ пошлый трезвый эгоизмъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ.

Или, быть можетъ, пламя соціалъ-демократовъ все ярче разгорается, въ силу аскетическаго стоицизма партіи, степень интенсивности котораго находится въ прямомъ соотношеніи къ энергіи преслѣдователей, подобно тому, какъ это было съ христіанами первыхъ вѣковъ. Но пролетарій нашего времени, въ качествѣ питомца и преемника буржуазіи, является слишкомъ матеріалистомъ, слишкомъ страстнымъ человѣкомъ, соткапнымъ изъ крови и мяса, чтобы, по примѣру этой древней рабской этики, онъ могъ черпать любовь и силу для своей идеи изъ мукъ и страданій.

Или, можетъ статься, «правота» нашего дѣла дѣлаетъ насъ такими непобѣдимыми? Но вѣдь дѣло чартистовъ и уэтлинговъ, дѣло утопическихъ соціалистовъ было также дѣломъ правымъ, между тѣмъ всѣ они скоро пали подъ натискомъ существующаго общественнаго строя.

Если современное рабочее движеніе побѣдоносно шествуетъ впередъ, то это происходитъ—прежде всего, благодаря яспому пониманію проле-

тріатомъ законовъ объективнаго историческаго развитія познанію того факта, что «капиталистическое производство съ необходимостью естественнаго процесса создаетъ свое собственное отрицаніе—именно, создаетъ экспропріацію экспропріирующихъ, соціальную революцію». И въ этомъ познаніи онъ усматриваетъ самую вѣрную гарантію своей конечной побѣды, изъ него онъ черпаетъ не только воодушевленіе, но также терпѣніе и силу въ своей дѣятельности и рѣшительность въ выжиданіи.

Первымъ условіемъ всякой практической боевой политики является пониманіе тактики противника. Что же даетъ намъ ключъ къ пониманію буржуазной политики въ ея мельчайшихъ проявленіяхъ, что помогаетъ намъ разобраться въ тайнахъ повседневной политики, откуда беремъ мы то пониманіе, которое насъ защищаетъ какъ отъ неожиданностей, такъ и отъ иллюзій? Это даетъ намъ пріобрѣтенное познаніе того, что всѣ проявленія общественнаго сознанія и буржуазной политики съ ея внутренними противорѣчіями необходимо объясняются борьбой интересовъ классовъ и группъ, противорѣчіями матеріальной жизни и въ конечномъ счетѣ «даннымъ конфликтомъ между производительными силами общества и отношеніями производства.»

Откуда, далѣе, черпаемъ мы способность приспособляться въ нашей тактикѣ къ новымъ явленіямъ политической жизни и, главнымъ образомъ, откуда мы пріобрѣтаемъ способность къ ея оцѣнкѣ, даже не обладая особеннымъ талантомъ и проницательностью,—съ той глубиной сужденія, которая схватываетъ самую сущность явленія,—въ то время какъ болѣе талантливые критики буржуазіи касаются лишь поверхности предмета, а при попыткѣ осно-

вательнаго изслѣдованія путаются въ лабиринтѣ неразрѣшимыхъ противорѣчій? И тутъ отвѣтомъ на вопросъ является снова не что иное, какъ знаніе путей историческаго развитія, основанныхъ на законѣ, по которому «общественный, политическій и умственный прогрессъ обусловливается способомъ производства».

Но прежде всего, спрашивается, что же именно даетъ намъ въ руки критерій при выборѣ отдѣльныхъ средствъ и путей для борьбы, — критерій, облегчающій возможность избѣгать безплодныхъ попытокъ и лишнихъ промаховъ? Даетъ намъ это познаніе направленія экономическаго и политическаго соціальнаго развитія, — направленія, съ которымъ мы можемъ согласовать не только планъ нашей кампаніи съ великими ея задачами, но и каждое самое маловажное наше политическое требованіе. Благодаря этой руководящей нити, рабочему классу удалось размѣнять конечный идеалъ соціализма на ходячую монету повседневной политики и вмѣстѣ съ тѣмъ придать мелочной обыденной политической дѣятельности значеніе исполнительнаго фактора великой идеи. До Маркса существовала буржуазная политика, культивируемая рабочими, и революціонный соціализмъ. Только начиная съ Маркса и благодаря Марксу, — существуетъ соціалистическая политика рабочаго класса, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ собой, въ полномъ смыслѣ этого слова, революціонную реальную политику.

Если условиться за реальную политику признавать такую, которая преслѣдуетъ исключительно достижимыя цѣли и умѣетъ добиваться ихъ наиболѣе подходящими средствами и кратчайшимъ путемъ, — то при этомъ опредѣленіи классовая поли-

тика пролетаріата, въ духѣ Маркса, будетъ отличаться отъ буржуазной тѣмъ, что послѣдняя можетъ быть названа реальной, съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ повседневной жизни, между тѣмъ, какъ первая будетъ считаться реальной съ точки зрѣнія *направленія историческаго развитія*. Здѣсь существуетъ такое же различіе, какъ между вульгарной теоріей цѣнности, которая понимаетъ цѣнность съ точки зрѣнія лавочника, какъ явленіе, присущее вещи, и теоріей Маркса, которая опредѣляетъ цѣнность, какъ результатъ общественныхъ отношеній извѣстной исторической эпохи.

Реальная политика пролетаріата является все-таки одновременно и революціонной, такъ какъ всѣми своими, даже частными, стремленіями она выходитъ изъ рамокъ существующаго строя, въ которомъ дѣйствуетъ, и, вслѣдствіе этого, всѣ сознательно считаютъ ее прелюдіей къ акту, который сдѣлаетъ ее политикой господствующаго и революціонизирующаго пролетаріата.

Такимъ образомъ, нравственная сила, которой мы преодолѣваемъ опасности, наша тактика борьбы въ самыхъ мельчайшихъ ея деталяхъ, критика, которой мы подвергаемъ противниковъ, наша неустанная агитація, посредствомъ которой мы привлекаемъ на свою сторону массы,—вся наша дѣятельность проникнута и освѣщена доктриной, созданной Марксомъ. Если при разныхъ обстоятельствахъ мы обманываемъ себя иллюзіями, что наша теперешняя политика, обладающая столь глубокой внутренней силой, не зависитъ отъ ученія Маркса, то это—означаетъ только, что въ нашей практической дѣятельности вліяніе Маркса проявляется даже тамъ, гдѣ мы этого не замѣчаемъ.

Ежели мы постараемся проникнуть въ глубь ученія Маркса, то поймемъ, что, благодаря перевороту, совершенному имъ какъ въ соціализмѣ, такъ и въ тактикѣ рабочаго класса, Марксъ долженъ былъ навлечь на себя смертельную вражду всего буржуазнаго общества. Для правящаго класса стало ясно, что побѣдить рабочее движеніе—значитъ побѣдить Маркса. 20 лѣтъ со дня смерти Маркса представляютъ непрерывный рядъ попытокъ теоретическаго и практическаго уничтоженія Марксовскаго духа въ рабочемъ движеніи.

Съ самаго начала своего возникновенія рабочее движеніе безстрашно пробивается впередъ между революціонно-соціалистическими утопіями и реальной буржуазной политикой. Историческую почву первыхъ составляло общество до-буржуазнаго періода, вполнѣ или наполовину абсолютическое. Революціонно-утопическій періодъ соціализма въ Западной Европѣ въ общемъ закончился съ момента захвата власти буржуазными классами, хотя отдѣльные случаи поворота назадъ замѣчаются и въ наши дни. Вторая опасность для пролетаріата —погрязнуть въ типѣ буржуазной реальной политики возникаетъ лишь на почвѣ развитія парламентаризма на ряду съ усиленіемъ рабочаго движенія.

Буржуазный парламентаризмъ долженъ былъ дать средство для побѣды надъ революціонною политикою пролетаріата, а демократическое единеніе классовъ должны были замѣнить собою классовую борьбу.

Что же случилось? Въ тѣхъ или другихъ случаяхъ иллюзія могла еще продержаться въ теченіе короткаго времени, но вскорѣ обнаружилась полная непригодность буржуазныхъ методовъ реальной поли-

тики для рабочаго класса. Фіаско парламентаризма во Франціи, измѣна либерализма въ Германіи, упадокъ парламентарнаго строя въ Бельгіи — такъ ударъ за ударомъ была разбита въ конецъ кратковременная мечта о возможности «мирнаго прогресса». Законъ Маркса объ обостреніи соціальныхъ противорѣчій, какъ основа классовой борьбы, пробилъ себѣ побѣдоносно дорогу, и каждый день приноситъ намъ извѣстія о все новыхъ его успѣхахъ. 24-хъ-часовая стачка желѣзнодорожниковъ въ Голландіи внезапно, подобно землетрясенію, вырыла широкую пропасть впутри общества и классовая борьба охватила Голландію могучимъ пожаромъ.

Такъ, въ каждой странѣ, подъ напоромъ »массового движенія рабочихъ батальоновъ», колеблется почва буржуазной демократіи и буржуазной законности, какъ-бы для того, чтобы еще сильнѣе внѣдрить въ сознаніе рабочаго класса убѣжденіе, что его конечныя цѣли не могутъ быть осуществлены въ предѣлахъ существующаго строя. Таковъ результатъ многочисленныхъ попытокъ практическаго низверженія теоріи Маркса.

Теоретическое ниспроверженіе марксизма стало жизненной задачей сотенъ самоувѣренныхъ апологетовъ буржуазіи, цѣлью ихъ дѣятельности. Какихъ, однако, они достигли результатовъ? Имъ удалось внушить нѣкоторымъ кругамъ интеллигенціи убѣжденіе въ «односторонности» и «предразсудкахъ» Маркса. Но даже самые серьезные идеологи буржуазіи, какъ Штаммлеръ, поняли, что, «въ виду такъ глубоко обоснованной науки», нельзя ничего достичь при помощи этихъ половинчатостей, «этихъ» увертливыхъ пріёмовъ, въ родѣ «нельзя съ одной стороны не сознаться, но съ другой—надо признаться». А что,

спрашивается, буржуазная наука въ цѣломъ въ состояніи противопоставить марксовской теоріи?

Съ момента, когда Марксъ обосновалъ историческое положеніе рабочаго класса, порвалась нить буржуазныхъ изслѣдованій въ области исторіи, философіи и политической экономіи. Натуралистическая философія въ классическомъ ея значеніи перестала существовать. Прекратили также свое существованіе буржуазная философія исторіи и научная политическая экономія. Въ историческихъ изслѣдованіяхъ,— поскольку въ нихъ не царитъ безсознательный или непослѣдовательный матеріализмъ,—мѣсто закопченной теоріи занялъ эклектизмъ, заключающій въ себѣ много различныхъ оттѣнковъ и потому отказывающійся отъ исчерпывающаго объясненія историческаго процесса или отъ философіи исторіи вообще. Политическая экономія колеблется между двумя направленіями—«историческимъ и субъективнымъ», изъ которыхъ одно есть протестъ противъ другого, и оба являются протестомъ противъ Маркса. При этомъ одно, чтобы дискредитировать ученіе Маркса, совершенно отрицаетъ теоретическое познаніе въ политической экономіи вообще, между тѣмъ какъ другое отрицаетъ объективный методъ изслѣдованія, благодаря которому только экономика стала наукой.

Конечно, на книжный рынокъ теперь еще, какъ и раньше, выбрасываются цѣлыя груды издѣлій буржуазнаго трудолюбія по общественнымъ вопросамъ, и молодые профессора, стремящіеся къ карьерѣ, выпускаютъ толстые томы своихъ сочиненій по экономикѣ съ чисто капиталистической, машинной быстротой. Это все—вымученныя монографіи, въ которыхъ изслѣдователи,—на подобіе страуса, прячущаго при преслѣдованіи голову въ песокъ,—

направляютъ все свое вниманіе на мелочныя явленія,—чтобы не замѣчать важныхъ причинныхъ связей экономической жизни,—и не выходятъ изъ рамокъ потребностей повседневнаго обихода. Тамъ-же, гдѣ авторы притворяются, что излагаютъ собственныя мысли и собственныя «общественныя теоріи», тамъ кроется, въ концѣ концовъ, только рефлексъ марксовской мысли, покрытой модным лакомъ во вкусѣ ярмарочныхъ издѣлій стиля «moderne». Самостоятельнаго умственнаго творчества, смѣлаго проникновенія впередъ, живой дедукціи въ ихъ работахъ не видать и слѣда.

И когда соціальный прогрессъ снова выдвинулъ рядъ новыхъ ожидающихъ своего разрѣшенія научныхъ проблемъ, то опять методъ Маркса,—и только онъ одинъ,—далъ ключъ къ ихъ разгадкѣ.

Итакъ, повсюду буржуазная общественная наука можетъ противоставить теоріи Маркса только отсутствіе своей собственной теоріи, марксовскому ученію—скептицизмъ, вмѣсто познанія.

Марксизмъ—дѣтище буржуазной науки, но, производя его на свѣтъ, мать поплатилась собственной жизнью.

Такимъ образомъ, расцвѣтъ рабочаго движенія, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, вырвалъ изъ рукъ буржуазнаго общества орудіе, которое оно хотѣло обратить противъ марксизма. И теперь, спустя 20 лѣтъ послѣ смерти Маркса, буржуазное общество болѣе безсильно противъ марксизма, а послѣдній болѣе жизнеспособенъ, чѣмъ когда-либо раньше.

Но одно единственное утѣшеніе остается для современнаго общества. Тщетно пытаясь отыскать средства къ опроверженію теоріи Маркса, буржуазія

не замѣчаетъ, что единственное годное къ этому средство скрыто въ самомъ ученіи Маркса. Теорія эта, въ своей сущности, историческая и имѣетъ право на существованіе лишь въ продолженіе ограниченнаго времени. Теорія эта—глубоко діалектическая и носитъ въ себѣ самые вѣрные зачатки своего разложенія.

Если не обращать вниманія на методъ историческаго изслѣдованія, составляющій необходимую принадлежность марксовскаго ученія,—то это ученіе въ своихъ наиболѣе общихъ чертахъ состоитъ именно въ познаніи того историческаго пути, который изъ современной формы соціальнаго строя, основаннаго на классовыхъ противорѣчіяхъ, ведетъ къ коммунистическому обществу, построенному на солидарности отдѣльныхъ его членовъ.

Такимъ образомъ, марксизмъ, какъ и предшествовавшія ему классическія теоріи политической экономіи, представляетъ собой умственное отраженіе опредѣленнаго періода экономическаго и политическаго развитія, именно, періода перехода изъ капиталистическаго фазиса исторіи къ соціалистическому. Но теорія Маркса составляетъ и нѣчто большее, чѣмъ умственное отраженіе своего періода. Указанная Марксомъ перемѣна историческаго фазиса совершенно не можетъ быть осуществлена, пока ученіе Маркса не будетъ принято опредѣленнымъ общественнымъ классомъ, именно — современнымъ пролетаріатомъ. Въ основѣ историческаго переворота, предсказаннаго марксизмомъ, лежитъ предположеніе, что теорія Маркса поведетъ къ развитію самосознанія рабочаго класса и такимъ образомъ послѣдній сдѣлается элементомъ самой исторіи .